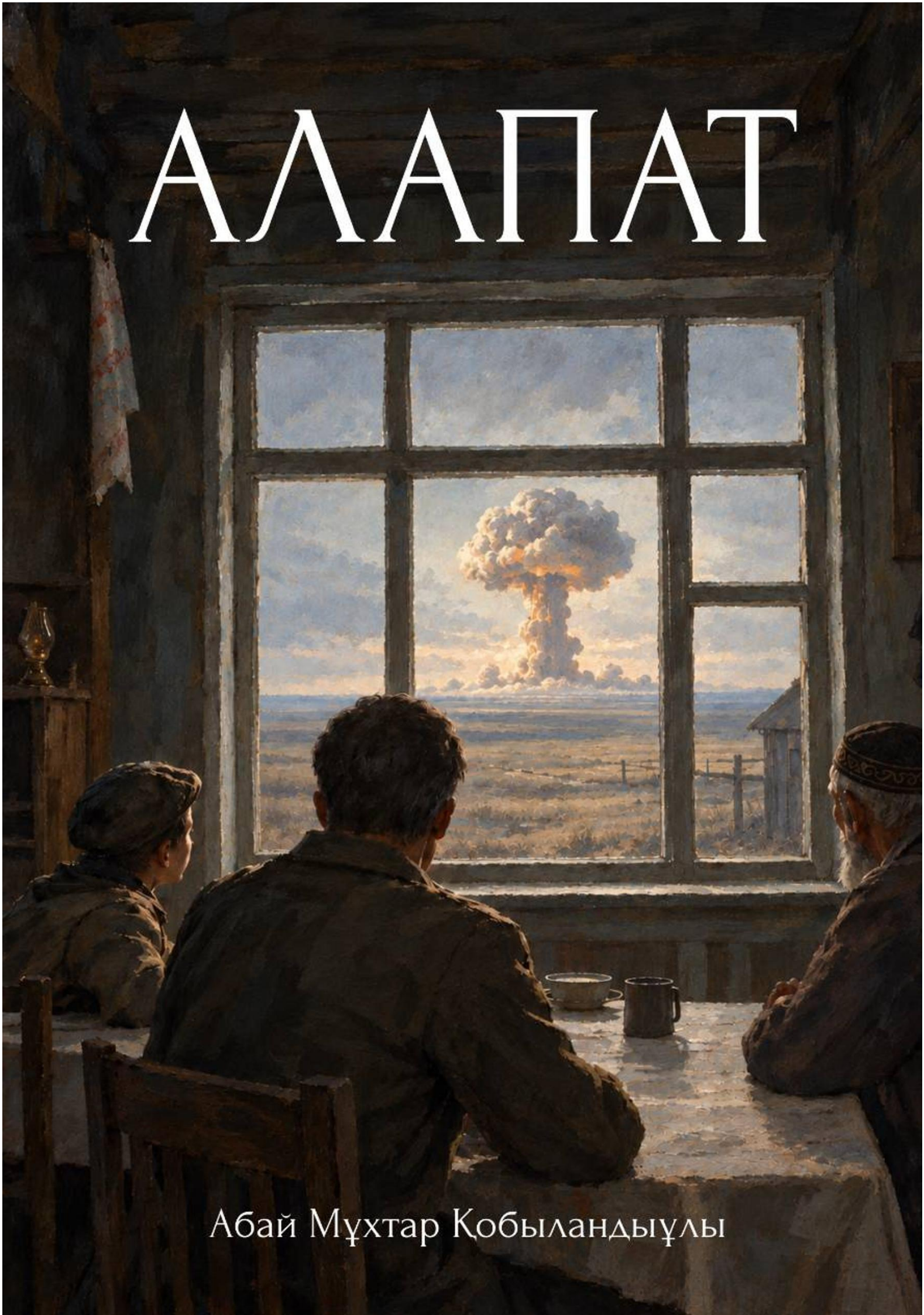
АЛАПАТ

Абай Мұхтар Қобыландыұлы

Мухтар Абай

Алапат

«Автор»
2026

Абай М.

Алапат / М. Абай — «Автор», 2026

«Алапат» - история о совести, ответственности и цене молчания. История обычных людей, через судьбы которых раскрываются первые годы строительства ядерного полигона и жизнь степи, навсегда изменённая ядерными испытаниями.Жарков - государственный служащий, привыкший жить по инструкциям, подписывать документы и не задавать лишних вопросов. По воле судьбы он оказывается в пустой степи, вдали от кабинетов и власти, где проводятся ядерные испытания.Здесь ему предстоит столкнуться с жителями, чью землю он когда-то отдал под испытания, и с последствиями собственных решений.Сможет ли Жарков понять цену своего выбора? Сможет ли он вновь обрести себя и вернуть утраченную связь с родной землёй, памятью предков и собственной культурой?«Алапат» - роман о человеческой ответственности перед историей, о цене равнодушия и о том, что за решениями, принятыми в кабинетах, всегда стоят судьбы живых людей.

© Абай М., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Пролог 6
Глава 1 8
Глава 2 10
Глава 3 14
Глава 4 18
Глава 5 21
Глава 6 23
Глава 7 25
Конец ознакомительного фрагмента. 29

Алапат

Семипалатинский ядерный полигон – первый в СССР полигон для испытания ядерного оружия, созданный в 1947 году на территории Казахстана. С 1949 по 1989 год здесь было проведено 456 ядерных испытаний.

Сорок лет ядерных взрывов разной мощности привели к радиоактивному загрязнению обширных участков степи и облучению жителей окрестных населённых пунктов.

Человек без памяти прошлого, поставленный перед необходимостью заново определить своё место в мире, человек, лишённый исторического опыта своего народа и других народов, оказывается вне исторической перспективы и способен жить только сегодняшним днём.

"И дольше века длится день"

Чингиз Айтматов

Пролог

Холодный ветер бил в лицо, залезал под воротник и резал кожу. Вокруг лежала голая, серая, бесконечная степь. Мужчина и мальчик были в пути, каждый со своей тяжестью, и только степь знала, куда ведёт их дорога и чем она закончится.

Жарков ехал верхом, а Досым сидел позади, крепко обхватив себя руками. Ветер пронизывал насквозь, холод забирался под одежду, но Жарков упрямо делал вид, что не замечает этого.

Внезапно мальчик тронул его за плечо.

– Остановись.

Жарков натянул поводья.

– Что случилось?

– Пришло время.

Он сразу понял, о чём речь.

– Это не может подождать? – спросил Жарков.

– Нет, – мальчик покачал головой.

Он спрыгнул на землю, достал из сумки небольшой кусок ткани и аккуратно расстелил её на земле, прижав края маленькими камнями. Потом повернулся лицом на юго-запад и начал молиться.

Жарков остался стоять рядом с лошадью. Он уже слышал эти слова, так же молился старик, но голос у него был другим – каким-то тёплым, мелодичным, будто он разговаривал с кем-то очень близким. У мальчика же слова выходили монотонными, заученными.

«Хотя кто я такой, чтобы об этом судить?» – подумал Жарков.

Он ждал. Казалось, что даже овцы вокруг притихли.

Когда мальчик закончил, он свернул ткань и убрал её обратно в сумку.

– А ты, кажется, немного фальшивишь, – подшутил Жарков, пытаясь разрядить тишину.

Они впервые заговорили за два дня пути.

Мальчик обернулся.

– Может, сам попробуешь?

– Нет уж.

– Почему?

Жарков пожал плечами.

– Тот, кому ты молишься, нас не услышит.

Мальчик затянул подпругу и спокойно ответил:

– Таких, как ты, Он вряд ли услышит.

Жарков хотел было огрызнуться, но неожиданно для себя промолчал – мальчик был прав.

Они снова двинулись в путь. Степь тянулась до самого горизонта – жухлая, промёрзшая, без единого деревца. Над головой висели тяжёлые облака, в воздухе пахло сыростью и стужей. Зима обещала быть тяжёлой.

Через несколько часов мальчик остановился.

– Дальше пойдём пешком.

– Почему?

– Лошадь устала.

От этих слов Жарков почувствовал едва уловимое раздражение и даже несправедливость. Он посмотрел на крепкое животное и едва удержался, чтобы не возразить. «Лошадь устала… А я не устал?»

Но спорить он не стал. С тех пор, как они вышли в путь, отношения с мальчиком и так были напряжённые. Досым с каждым днём кашлял всё сильнее, и Жарков догадывался, почему.

Дальше они пошли пешком. Жарков решил больше не задавать вопросов, только странные мысли продолжали крутиться в его голове, изматывая и оставляя ощущение тревоги.

Жарков всё чаще ловил себя на ощущении, что время исчезло: утро ничем не отличалось от вечера, вчера – от сегодня, а перед глазами было только два цвета – серо-голубое небо и серо-бурая земля. Степь выглядела, как неумелый рисунок маленького ребёнка: сверху одна полоса, снизу другая, а посередине бесконечная линия горизонта. От этого однообразия становилось не по себе.

«Мы не движемся», – думал Жарков. – «Мы просто идём по кругу. Каждый день одно и то же, одинаковое небо, одинаковая земля, одинаковый ветер… Только холоднее с каждым утром».

Он устал от бесконечной однообразной пустоты, от того, что ничего вокруг не менялось, и это сводило его с ума. Жарков всё чаще ловил себя на мысли: «А вдруг мы давно потерялись? Вдруг эта степь вообще никуда не ведёт?»

Потом появилась другая мысль, ещё более странная: «А если я уже давно умер, и всё это мне кажется? Ещё тогда, в машине…»

Он невольно усмехнулся про себя: «Ну нет… такой, как я, давно бы попал в ад… А может, это и есть ад?»

Взгляд снова упёрся в степь.

Жарков остановился и глубоко вдохнул.

Мальчик спокойно шагал впереди, словно ничего не происходило. Он смотрел вперёд так уверенно, будто видел вдалеке дорогу.

«Если это ад…, то почему здесь мальчик?» – подумал Жарков и молча пошёл за ним.

Глава 1

Два человека сидели друг напротив друга в большом полупустом кабинете. На стене висел выцветший портрет вождя, а под ним, на широком деревянном столе, дымилась пепельница.

– Извините за откровенность, товарищ Жарков, но вы дурак, – указывая пальцем на бумаги перед ним, сказал тучный мужчина. Пуговицы светло-голубой рубашки едва сходились на его животе.

Жарков прищурился.

– Всё руководство партии приедет в ваш регион, – продолжил тучный. – Хотите вы того или нет – проект уже согласован.

– Да, я понимаю, – ответил Жарков, медленно поворачивая потрёпанную карту полигона, – но на территории есть населённые пункты… не обозначенные здесь, – он указал на маленькие красные флажки на карте.

– Населённые пункты находятся в десятках километров от запланированных действий! Учёные годами изучали всю территорию Союза. Ваш участок признан наиболее подходящим для проекта.

Тишина.

– Это не отменяет того факта, что там живут люди, – после минутного молчания сказал Жарков.

Собеседник отложил ручку и поднял глаза.

– Вы хоть сами понимаете, о чём говорите? – его голос стал жёстче. – Будьте благоразумны, вы же давно здесь работаете. Думаете, из-за пары десятков человек они свернут ядерный проект?

Жарков промолчал. Он уже знал ответ.

– Этот проект начали ещё во время войны, – продолжил тучный человек, зажигая папиросу, – ещё до того, как вам доверили ваше место.

Пыхнув папиросой и выпустив густой дым, мужчина встал, сделал несколько шагов вокруг стола и снова сел:

– Даже если вы скажете, что там живут люди, думаете, они просто всё отменят?

Он ткнул пальцем в карту. Красные флажки дрогнули от веса пальца.

– Так что вы от меня хотите? – с плохо скрываемым раздражением в голосе спросил Жарков.

Тучный наклонился вперёд, облокотившись о край стола, словно всем своим весом пытался надавить на собеседника:

– Просто дайте им то, что они хотят услышать, – чеканя каждое слово, сказал он. – Они и без вас в курсе о населённых пунктах. Деревни будут под присмотром специалистов, но вы должны дать комиссии такой отчёт, чтобы на совещаниях никто не задавал лишних вопросов. Не усложняйте ни нашу, ни их жизнь. Решите эту проблему, и я лично выпишу вам рекомендацию на должность райкома.

Жарков поднял взгляд на мужчину. Широкая тень от массивной фигуры Тучного легла почти на всю карту.

– А что вы на меня так смотрите? – спросил Тучный, прищурившись. – Думаете, я не знаю, чего вы хотите? Пять лет в помощниках без повышения… Вы повидали много начальников райкома, не правда ли?

Жарков открыл рот, но не успел ответить.

– Я видел ваш запрос на повышение. Пару месяцев назад. Я знаю, чего вы хотите – уехать из этой дыры куда подальше.

Эти слова застали Жаркова врасплох. Он, мужчина средних лет с уже седеющими волосами, сидел, опустив голову, как виноватый мальчишка.

– Не стройте из себя героя, Жарков. Вам это ни к чему, особенно сейчас. Вы ведь не о людях думаете, вы думаете, как потом с ними разбираться. Это же лишняя работа.

Жарков сцепил руки перед собой, глядя в пол.

– Так вот, – продолжил Тучный, – чем раньше начнётся проект, тем раньше пройдут первые испытания на территории полигона. Тем скорее вас переведут на новую должность, и вы забудете об этом месте, как и мечтали.

Он снова ткнул пальцем в карту.

– Поэтому ещё раз повторяю: на совещаниях – ни слова о населённых пунктах. Как только комиссия подпишет акт, сразу приступайте к основным работам.

Жарков вышел из здания, прикрыв за собой тяжёлую массивную дверь, на которой была прибита табличка с надписью: «Райком. Вход по удостоверениям».

Горячий воздух улицы был пропитан запахом пыли и сухой травы. На ступенях мужчина остановился и стряхнул с рубашки хлопья пепла. Над городом тянулись серые полосы дыма, где-то глухо гудели трубы.

На площади перед райкомом стоял старый уазик. Водитель, разморённый от зноя, спал, уронив руку на руль. Жарков посмотрел на него, но не двинулся. Вместо этого он достал сигарету, чиркнул спичкой и закурил. Вкус был пустой. Мужчина огляделся вокруг: за оградой начиналась дорога в степь, а дальше, за холмами, были те самые деревни – безымянные точки, которых не было на карте. Он прикрыл глаза… Пепел с сигареты упал на потрескавшийся асфальт.

Жарков открыл дверцу машины, но не сел сразу. Какое-то время он смотрел вдаль, туда, где бескрайняя степь сливалась с дрожащим от жары горизонтом.

– Поехали, – наконец сказал мужчина.

Мотор заурчал, и уазик плавно тронулся вперёд, растворяясь в мареве раскалённой дороги.

Глава 2

Обогреватель с громким неравномерным гулом выплёвывал в комнату клубы перегретого воздуха. Этой осенью он работал так, словно отчаянно пытался сжечь себя изнутри. На подоконнике лежал засохший лист, а под ним – старая газета двухлетней давности.

Новоиспечённый райком партии Жарков – начальник района – сидел в кабинете в несвежей белой рубашке. Локоть его правого рукава был протёрт до дырки, сквозь которую проглядывала бежевая подкладочная ткань. В одной руке он держал стакан дешёвого коньяка, а в другой – папку с бумагами.

В дверях стоял юноша лет двадцати пяти, неловко поправляя пиджак, который был ему велик в плечах.

– Осталось только подписать, аға[1], – сказал он, аккуратно положив папку на край стола.

– Угу… – буркнул мужчина, не поднимая глаз. – Оставь. Как будет время – подпишу.

Жарков пытался прочитать документ, но его мысли путались, не складываясь в общую картину. Он приступил к должности райкома больше пяти месяцев назад и уже успел погрязнуть в рутине бесконечных дел его района. А с началом первых испытаний он всё больше погружался в состояние беспомощной тревоги, вызванной разными слухами о полигоне.

– Вы слышали новости? – спросил парень.

– Нет.

– На прошлой неделе говорили по радио. Я про Запад. Говорят, что на Западе создают объединение против Союза.

Жарков усмехнулся, не глядя на юношу.

– Не наше с тобой это дело, Тахир. Нам бы эту зиму пережить, без отопления. Прошлой зимой, говорят, двое насмерть замёрзли. А это, между прочим, в городе. Слава богу, тогда без шума обошлось.

Он провёл рукой по столу, заваленному бумагами, отчётами, планами, словно выбирая, за что взяться. На самом деле Жарков давно не читал эти документы. Когда-то каждый такой лист не оставался без его внимания, но сейчас внутри него была лишь усталость.

Мужчина взял папку, открыл наугад и, не глядя, расписался там, где мелькнуло его имя. Привычка, выработанная годами, сама двигала его руку. Подпись на документе получилась похожей на аккуратный медицинский шов, скрывающий гниющую рану. Он больше не чувствовал ни тяжести решений, ни их последствий. События последних месяцев словно исчерпали его способность сомневаться и проверять.

Жарков отодвинул папку и посмотрел на своего помощника. Тахир был «перспективным парнем», которого он взял под своё крыло благодаря родственным связям. Он чувствовал свою обязанность перед родственниками, которые когда-то, когда Жарков сам ещё был ребёнком, помогали его семье. И как им теперь откажешь?

В первый день, когда Тахир только пришёл, Жарков сразу сказал ему: «Работы для тебя нет», надеясь, что тот развернётся и уйдёт. Но юнец не ушёл, и Жарков позволил ему разобрать бумаги, в беспорядке сваленные на столе и в шкафу. К концу дня бумаги были аккуратно разложены по папкам, прошиты и пронумерованы, и тогда Жарков взял юношу к себе секретарём.

С тех пор почти вся рутина лежала на этом мальчишке. Он сортировал, считал, заполнял графы, приносил Жаркову, а тот ставил подпись, не глядя. Иногда мужчина ловил себя на мысли: «А вдруг Тахир подложит что-то не то?» Но потом отмахивался: «Нет, он не такой».

---

[1] Аға (каз. яз.) – уважительное обращение к старшему мужчине.

Сегодня было холодно, поэтому Жарков надел пальто и прошёлся по кабинету, попутно закуривая сигарету.

– Ещё есть новости по переселенцам, – сказал Тахир.

Последние несколько недель слово «переселенцы» вызывало у Жаркова глухое раздражение. Переселенцами они с секретарём называли тех несчастных, которых в срочном порядке нужно было вывозить с территории уже активного полигона. Несколько раз в неделю в их городке происходили толчки земли, вызванные подземными испытаниями на полигоне. Каждый такой толчок разливал воду в стакане на столе и напоминал о том, что скоро придут новые переселенцы. Знал бы тогда Жарков, что люди просто так не покинут свои аулы, уже бы давно отказался от должности.

– Как и планировали, большая часть переселенцев покинула свои населённые пункты, – сказал Тахир, пробежавшись глазами по отчёту. – Вы просили заселять в старое общежитие, но там уже почти не осталось мест, оно не рассчитано на такое количество людей, товарищ Жарков. Газ и отопление, по словам жильцов, есть не у всех. Они часто жалуются, в тот раз даже собрались перед райкомом, – юноша добавил уже от себя, подняв глаза на начальника.

– Вот народ… – хмыкнул Жарков. – Им бы работать так же активно, как бузить. Пьянь и бездельники.

– Им же тяжело, аға…

– Всем тяжело. Война забрала мужчин, а вернула калек. Как нам с этими калеками страну поднимать? Как мне с такими план выполнять?.. Мне тоже тяжело, Тахир, работаю с утра до ночи.

Жарков сел, потёр переносицу. Глаза были красные то ли от напряжения, то ли от усталости. Который год прошёл после войны, а его район до сих пор не может войти в колею.

Он не предполагал, что после прихода на новую должность работы окажется намного больше, чем реальной власти. Раньше ему казалось: подпишешь пару бумаг, и всё как-то само собой крутится. А теперь каждый день начинался с тревоги и заканчивался с облегчением, что нигде ничего не прорвало, не вышло из строя, не взорвалось. Зарплата у него была чуть выше, чем у простых людей, но разве весь этот груз ответственности того стоил? Отопление, крыши, проводка, очистные станции, мусор, дороги – всё зависело от его подписи. И если где-то прорвёт трубу – виноват будет он, без суда и без следствия. Потому что именно его подпись стоит на всех документах.

Иногда он просыпался от странных снов, шёл на кухню курить и так сидел до самого рассвета.

– И ещё… аға, – неуверенно начал парень, потирая край рукава.

– Айт.

– Вчера ещё двоих отправили в обезьянник. Сказали, что они пришли поздно ночью к зданию райкома и кричали: «убийца». По документам это переселенцы.

Жарков несколько секунд смотрел в точку перед собой, а потом резко поднял глаза на парня.

– Сколько их ещё?

– Когда мы сверяли списки, было восемь семей и семнадцать детей. После войны там остались женщины, старики и дети. Думаю, это они и есть.

Жарков встал и медленно подошёл к окну.

– Тахир, это не я их из дома выгнал. Подпись моя, но надо это было не мне. Это система, – сказал он почти шёпотом, будто пытаясь оправдаться перед самим собой.

Парень ничего не ответил. Только посмотрел на спину начальника.

– Этот ядерный проект… – продолжил мужчина, не поворачиваясь, – его начали бы и без меня. Москве нужно было место, чтобы проводить эти испытания, и сам Бог видит – это они выбрали нашу степь.

Он чуть повернулся, но глаза всё ещё смотрели в окно.

– Я просто подписал бумаги. Они бы всё равно нашли кого-то другого, кто подписал бы, – Жарков говорил так, словно хотел, чтобы хоть кто-то его понял или хотя бы не осуждал.

Наконец мужчина замолчал. В тишине было слышно, как за окном каркнула ворона.

– Но они всё равно приходят, аға, – тихо сказал парень. – Жалуются, что их выгнали из дома, спрашивают, что им делать.

Жарков чуть вздрогнул, как будто что-то вспомнил, и быстро отвернулся.

– Усиль охрану. Пусть несколько солдат дежурят и днём, и ночью, – его голос снова стал жёстким, словно и не было той минутной слабости несколько мгновений назад.

– Хорошо, аға.

– Если кто меня будет искать – я в «Табачке». Нужно кое с кем встретиться, – Жарков схватил со стола папку и быстро вышел из кабинета, хлопнув дверью.

В коридоре райкома пахло краской и сигаретами. Ему казалось, что за каждой дверью шептались: «Подписант… Соглашатель…»

***

Площадь перед зданием райкома встретила мужчину аккуратно развешанными лозунгами, которые делали город больше похожим на витрину, чем на место, где жили сотни семей. «Бдительность – залог нашей победы!», «Слава советским учёным!», «Мирный атом – надёжный щит Родины!» – Жарков уже давно их выучил и помнил наизусть.

Казённая машина терпеливо ждала под навесом. Жарков уже отпустил своего водителя. Он сел в машину и аккуратно завёл мотор.

Через четверть часа уазик остановился у рюмочной на окраине города. Мужчина вздохнул, поправил пальто, приняв как можно более расслабленный вид, и пошёл ко входу.

Неожиданно перед самой дверью из тени вышел человек. Это был бездомный в рваном ватнике.

– Подай, товарищ, хоть крошку, – прохрипел бродяга, протягивая трясущуюся руку. Пальцы у него посинели от холода, а глаза были мутные, как неживые.

Жарков поморщился с лёгким отвращением.

– На водку потратишь, да? – бросил он, но тут же поймал себя на мысли: «А на что ещё можно потратить в рюмочной?»

– Поесть бы… хлеба… – скрипучим голосом ответил старик.

Жарков задержал взгляд на потрескавшихся губах бездомного, на ввалившихся щеках. Вздохнув, достал из кармана оранжевую купюру и, смяв её в кулаке, смутившись, что кто-то увидит, быстро сунул старику в ладонь.

– На. И не мозоль глаза. Здесь приличное заведение, а ты тут…

Бездомный схватил рубль, перекрестился и принялся что-то бормотать, но Жарков уже толкнул тяжёлую дверь и зашёл в тёплый гул зала.

Контраст между улицей и заведением заставил мужчину на мгновение застыть и осмотреться. Рюмочная была залита мягким золотистым светом люстр, здесь приятно пахло папиросами и крепким мужским одеколоном. Между столиками сновали официанты, негромко разговаривали посетители, тихо бряцая фужерами.

Среди них Жарков отыскал глазами Тучного, который сидел за дальним столиком в углу.

Несмотря на авторитет своей новой должности, Жарков понимал, что он – всего лишь пешка в руках этого человека. Это его злило и в то же время заставляло бояться Тучного.

Дорогой костюм на Тучном сидел небрежно. Взгляд был уставший, но цепкий.

– Ассалаумағалейкум[2], Талғат аға! – наигранно улыбнулся Жарков, протянув руку Тучному. – С самого запуска ещё не виделись!

[2] Ассалаумағалейкум – традиционное мусульманское приветствие, означающее «Мир вам».

Тучный не улыбнулся. Медленно сняв перчатки, он лениво пожал руку Жаркова и спросил:

– Ближе к делу, сынок. Где бумаги?

– Тут такое дело, өзіңіз білесіз… сейчас неспокойно… – Жарков суетливо осмотрелся.

– Нет, не знаю. И знать не хочу, – ответил Тучный.

Немного помедлив, Жарков осторожно сказал:

– После местного собрания у исполкома все на взводе. Центр тормозит с поставками. Сверху сказали ждать.

Тучный наклонился вперёд:

– Передай тем, кто сверху, что меня ждут люди. Уже год. Если из-за этой волокиты они уйдут – я лишу твой район всех поставок. Будешь сидеть на своей должности, как на сгнившей шкуре.

– Хорошо, я разберусь, – нервно сглотнув, ответил Жарков.

Возникла неловкая пауза.

– Кстати, как тебе пост райкома партии? – спросил Тучный.

– Работаем во благо Родины, – бодро сказал Жарков с ноткой иронии.

– Хорошо. Не вздумай забыть, кто тебе его выбил. И делай всё строго по инструкции, понял?

– Да.

– Я приехал не только за бумагами… Что там с переселенцами?

– Как и было велено из Москвы, заселяем всех в одно здание, чтобы легче было следить за их состоянием. Делаем всё, что надо.

Тучный понизил голос, почти прорычав:

– Держи своих скотов в узде, Жарков, нам тут лишняя паника не нужна! Самое главное, чтобы не распространялись о том, что видели на полигоне – МВД первым делом будет проверять, если эти ваши неконтролируемые элементы будут вводить людей в заблуждение своими сказками. Информация про то, что происходит на полигоне, не должна выйти в массы. Ясно?

Жарков кивнул.

– К вам в больницу направили нового главврача из Москвы – доктора Виктора Львовича. Он будет заниматься проверкой отчётов и изучать показатели людей с полигона. Если ему что-то будет нужно – предоставь. И зайди на днях к нему в больницу, у него есть пара вопросов к тебе.

– Хорошо. Сделаем.

– Не пускай на самотёк. Лично возьми всё под свой контроль. Этот проект – основа безопасности всего Советского Союза. Любая информация о нём – это оружие, которое будет использовано против нас!

Тучный залпом выпил свой коньяк и вышел из зала. Жарков остался один.

Глава 3

На следующее утро Жарков проснулся рано, как обычно без будильника. Выработанная за годы службы привычка держала его в форме. Каждое утро он начинал с короткой зарядки, которая была больше для порядка, чем для здоровья: три наклона, пять приседаний и немного растяжки.

В воздухе стояла прохлада. Мужчина вышел на крошечный балкон своей квартиры и облокотился на ржавые перила. На площадке внизу уже возились дворники: старуха в ватнике сгребала мокрые листья в ржавое ведро, где-то хлопнула дверь подъезда, послышался кашель. Город нехотя просыпался.

Жарков достал из кармана мятую пачку «Беломора», чиркнул спичкой и закурил. Холодный ветер с улицы врывался прямо в квартиру, поднимал занавеску и трепал старую газету на подоконнике.

Квартира была стандартная, как у всех служащих, без единого намёка на уют: с тусклым полом, облезлыми обоями, железной кроватью и радиоприёмником на подоконнике. Это была ведомственная квартира, а потому – временная, как и всё в жизни Жаркова.

Мужчина открыл холодильник, в нём лежал кусок чёрного хлеба, два помидора, банка шпрот и несколько яиц. Нарезал помидоры, бросил на сковородку и добавил яйца. Когда запах яичницы наполнил комнату, он открыл ножом шпроты – гостинец от знакомого снабженца за какую-то небольшую услугу.

Жарков ел, как человек, привыкший к скудному рациону, но с офицерской педантичностью: отрезал столовым ножом небольшой кусочек яичницы, подцеплял вилкой и аккуратно отправлял в рот.

Закончив завтрак, он вытер рот салфеткой, надел пиджак, сверху тёмное пальто, которое носил четвёртый год. На лавочке у подъезда, сидели две старушки, жившие в этом доме. Они, как часовые, дежурили тут каждый день, и знали почти всё обо всех жильцах дома.

Завидев Жаркова, обе женщины сразу притихли, но их взгляд оставался внимательным и настороженным.

– Здравствуйте, товарищи-комсомолки, – сказал мужчина с притворной улыбкой, слегка приподняв брови. – А чего это мы без дела сидим? Рабочий день ведь начался.

– Так ещё рано, товарищ Жарков… – промямлила одна старушка, поднимая глаза.

– Рано? – Жарков усмехнулся.

Старушки засуетились, встали и пошли прочь, бормоча что-то себе под нос. Жарков посмотрел им вслед и тихо фыркнул.

Пахло дымом из печных труб. Отопления так и не дали, поэтому жильцы дома топили печки-буржуйки прямо у себя в квартирах.

Перед домом уже стоял служебный уазик, возле которого курил папиросу шофёр – однорукий худой мужчина с глубокими морщинами на лице.

– Ассалаумағалейкум, товарищ Жарков, – сказал он, открывая дверцу машины. – Что вы сказали этим бабкам, а? Если не секрет, – с ухмылкой спросил он, когда уазик тронулся.

– Ничего особенного, – ответил Жарков, глядя в окно.

Машина ехала по разбитой улице вдоль серых домов и унылых лиц, мимо ларьков, где старики и дети уже собирались в очереди за хлебом. Однорукий шофёр сидел неровно, его плечо было скошено, и левая рука лежала на руле. Правая – обрубок, перетянутый старым ремнём, – торчала из-под рукава пиджака, лёжа на груди.

Водитель Жаркова был очередным солдатом, покалеченным войной. Без руки он мало на что годился, но Жарков его пожалел и взял к себе шофёром. Иногда даже отпускал пораньше, потому что дома этого неказистого мужика ждали жена и дети.

Шофёр был в хорошем настроении, как и всегда. Жаркову было непонятно, как человек, потерявший на войне руку и живший весьма скромно, мог быть таким довольным жизнью.

– Какие планы, басеке? – бойко спросил шофёр.

– В райком. К полудню жди меня там. Потом поедем в центр.

– Жақсы, – сказал водитель и включил радиопередачу.

Уазик вильнул, подскочил на кочке и поехал к райкому.

Мужчин в городе почти не осталось. На остановке, в ожидании автобуса, стояла группа женщин в платках с пустыми вёдрами в руках. Старики сидели на лавках у подъездов, а подростки гоняли по двору жестяную банку, сипло смеясь ломающимися голосами.

Почти все дома вдоль дороги были ободранные, кирпич проступал из-под штукатурки. На их стенах были развешаны выцветшие и пожухлые плакаты. На одном красный боец держал знамя, а рядом была надпись: «Всё для труда, всё для победы!» Буквы разъело временем и дождями, так что слово «победа» уже почти не читалось.

На углу большого дома толпились люди, ожидая, когда откроются двери столовой. Какой-то пьяный мужчина в толпе, с перевязанной головой, махнул в сторону уазика рукой.

Водитель хмыкнул:

– Эх, знакомые всё лица! Кого война не забрала, того столовая собрала.

Жарков не ответил.

Машина свернула к центру, и дорога стала ровнее, но воздух оставался такой же тяжёлый, пахнущий углём и мазутом. Наконец уазик остановился на площади перед зданием райкома. Жарков вышел из машины, под ногами шлёпнула грязь. Он поправил воротник и коротко напомнил водителю:

– К полудню здесь.

– Есть, товарищ начальник, – бодро ответил водитель, закуривая папиросу.

Солдат, охранявший здание райкома, при виде начальника резко вскочил со ступенек, спрятал сигарету в ладонь и отдал честь.

***

Войдя в свой кабинет, Жарков снял пальто, повесил на спинку стула и сел. Только он хотел выдохнуть, как вдруг в кабинет вошла пожилая женщина. Она замерла у двери, посмотрела на мужчину и запричитала, сложив руки в молитвенной позе:

– Неужели, видит Бог, не зря пришла… Простите, пожалуйста… Я…

Неожиданно дверь снова распахнулась, на этот раз за ней стоял молодой парень в форме МВД, который отвечал за пропуски. Он замер, опустил глаза и виновато пробормотал:

– Извините, товарищ Жарков, она прошла без спроса…

За парнем вошёл старик примерно того же возраста, что и женщина. По-видимому, старик и пожилая женщина были супружеской парой.

– Отставить, – скомандовал Жарков спокойным, но строгим голосом. – Возвращайся на пост, – приказал он солдату.

Взгляд райкома упёрся в женщину, которой было около шестидесяти лет. Его удивило, как она прошла через охрану.

– Товарищ Жарков, пожалуйста… помогите, голубчик, – сказала она с придыханием.

Старик терпеливо стоял за спиной жены.

Секретарь поднялся и протянул стул. Женщина села, слегка опустив плечи.

– Слушаю вас, гражданка, – сказал Жарков, делая вид, что очень занят и ищет какие-то документы. Ему очень не хотелось тратить своё время на посетителей.

– Зовут меня Нина, сынок. Я сына своего ищу, с войны прошло уже столько лет… – начала она, прерываясь. – Мой сынок… Ни вестей, ни писем… Последнее письмо было из Кёнигсберга, писали, что он в госпитале. Командир писал, что документы могли потеряться…

– Запросы в Москву отправляли? – спросил Жарков.

– Куда я только письма не отправляла… – ответила она. – Никто не станет копаться в архивах… Сведений нет, сказали.

– Имя и фамилия сына?

– Афанасьев Григорий Михайлович.

Тахир открыл стопку писем и протянул Жаркову одно с этим именем.

Жарков просмотрел письмо и сказал:

– По вашему запросу ответа пока нет.

– Так что же… он просто исчез? – голос женщины дрожал. – Вы хоть скажите, жив ли, мёртв ли?

Старик хрипло повторил слова жены:

– Вы хоть скажите, умер ли он или нет? Ни похоронить, ни отпустить… Каждый раз, когда кто подходит к калитке дома, я надеюсь, что увижу Гришу.

– Если бы что-то было – сообщил бы, – сказал Жарков, пожав плечами. – Москва молчит. Таких потерянных, как ваш сын, тысячи, сотни тысяч.

– Тогда напишите, что он погиб, – нетерпеливо перебила женщина. – Хоть ложь напишите, чтобы сердце не болело.

– Я не могу писать того, чего не знаю.

– Ну… вы же можете хоть что-то сделать! – сказал старик.

– Этим занимается другая структура, – коротко ответил Жарков.

– Подайте запрос на посмертное жалованье, семьям погибших солдат полагается… – не успел закончить Жарков, как старик перебил его:

– Деньгами откупиться решил, тварь! Сам небось в штабе отсиделся писарем! Руки, ноги целые, сам-то хоть воевал?!

– Я вам предлагаю то, что возможно при данных обстоятельствах. Ваш сын отдавал долг Родине, защищая её.

– Но там же где-то мой Гриша… мой родненький… как же это… – сказала бабка, плача.

Больше не дождавшись ответа, старик с женой вышли из кабинета, сжимая в руке письмо. Дверь захлопнулась, в кабинете стало тихо.

Слегка наклонив голову и скрестив руки, Тахир смотрел из окна за уходящими стариками.

Тишину кабинета нарушали лишь шаги в коридоре, приглушённые голоса за стеной и шорох ветра за окном.

– Каждую неделю одно и то же, что за безобразие? – сказал Жарков.

– Я могу лично заняться поиском сведений об Афанасьеве, товарищ Жарков, – ответил секретарь.

– Нет, не надо, – бросил начальник. – Пусть Москва этим занимается. Ты мне нужен здесь, чтобы решить дела с переселенцами.

Парень слегка скривился, будто хотел возразить, но промолчал.

Жарков подошёл к столу, достал сигарету и закурил.

– Угораздило же на мою голову всем этим заниматься, – пробормотал он тихо.

Секретарь уже разбирал бесконечные бумаги, складывая их в разные папки и следя за тем, чтобы ничего не потерялось.

– Следующее, – сказал Жарков.

Тахир подал папку, и тот начал перебирать бумаги.

Жарков вчитывался в списки переселенцев. Строк в этих списках было немного, потому что город после войны остался почти без людей.

– Сколько ещё таких списков? – спросил Тахир, не отрываясь от работы.

– Сколько нужно, – коротко ответил Жарков. – Пока не решим вопрос с переселенцами, не закончим.

– Не нравится мне всё это, товарищ Жарков, – задумчиво сказал парень.

– Думаешь, я удовольствие получаю, разбирая эти бумажки? – ответил мужчина, пожав плечами.

– Я не про саму работу, товарищ Жарков, – пробормотал Тахир. – С конца августа какое уже прошло… одиннадцатое испытание ядерки?

– Он екінші.

– Мы же те населённые пункты, которые находятся непосредственно в критической зоне взрывов, переселили, верно? А те, что в радиусе ещё нескольких десятков километров… там же тоже люди живут.

– Они же на людей не падают. Подумаешь, взорвалась бомба, да ещё и в десятках километров от тебя – ты даже не почувствуешь, – сказал Жарков, не отрываясь от бумаг.

– Да, но всё же… первая группа критической важности была не прямо под взрывами. Там было около семидесяти километров от запланированных точек. Тогда зачем переселяются люди, которые так далеко живут, если это просто взрывы?.. Ходят слухи, что излучение… радиация деген… распространяется дальше и остаётся после взрыва.

Жарков откинулся в кресле, слегка усмехнувшись:

– А я думаю, Тахир, что в Москве не идиоты сидят и знают, что делают. А люди переселяются, чтобы в городе быть, там, где теплее и работа есть. Это урбанизация, сынок, прогресс. Поэтому все уезжают в города. Просто занимайся своей работой, остальное не важно, – добавил начальник.

– Просто мне не нравится, что за нас всё решают люди сверху, которые никогда не жили на нашей земле. Откуда им знать, что здесь происходит? Я каждый раз читаю планы, которые надо выполнить, и не понимаю, откуда они берут такие цифры. Вы же участвовали в комиссии партии до начала взрывов, разве там не говорили про переселенцев?.. Вы ведь так и не рассказали, – заметил секретарь.

– Не хочу, чтобы тобой интересовалось МВД, будь аккуратнее с такими выражениями, – сказал Жарков, отмахиваясь от ответа.

– Так все документы через меня проходят же, товарищ Жарков, – продолжил Тахир, даже не думая отступать. – Я к тому, неужели комиссия не поднимала вопрос о местном населении? Почему проект начали до полного переселения, там же колхозы стоят…

В этот момент Жарков невольно вспомнил тот самый съезд партийной комиссии: бесконечные разговоры, доклады геологов, карты с обозначениями районов, учёные, говорящие о распаде урана, отчёты, цифры, графики… Четыре часа собрания пролетели, а он не мог вспомнить ничего, что касалось бы людей, живущих там. Хотя, если не говорили, значит и не о чем было. Жарков только помнил, как после окончания съезда Тучный подошёл к нему и тихо сказал:

– Контролируйте переселенцев и держите их на коротком поводке…

Жарков закурил сигарету, дым потянулся к потолку, смешиваясь с запахом бумаги и угля из печки.

Глава 4

К полудню Жарков и его секретарь вышли к главному входу, к ним присоединились два милиционера для сопровождения на плановом выезде. Уазик, набитый людьми, тронулся в сторону старого общежития.

Во дворе общежития играла детвора, женщины готовили обед в казанах. Двор был похож на маленький аул, затерявшийся посреди города.

Из общаги вышли пожилая женщина и молодая девушка и направились прямиком к Жаркову. Из окон за ними украдкой наблюдали жильцы – то тут, то там медленно раздвигались шторы.

– Саламатсыз ба[3], товаріш рәйком! – поздоровалась бабка, почти кланяясь обеими руками.

Тахир приветливо кивнул женщинам, а Жарков осторожно спросил:

– Ну как вы здесь, апа[4]?

– Жаман емес, балам[5], – ответила она. – Вчера отопление включили на один день… как хорошо было!

– Мы работаем над этим. Я понимаю ваше положение, – коротко ответил Жарков, жестами показав Тахиру записывать.

Бабка взглянула на мужчину, взяла за рукав и без слов повела внутрь общежития. В первом корпусе Жарков увидел маленькую комнату. Судя по матрасам на полу, здесь проживало не меньше шести человек. Условия были ужасные: в комнате было сыро и холодно, повсюду разбросано старое тряпьё, которым люди, очевидно, пытались согреться. В углу комнаты на самодельной каталке сидел мужчина без ног. Едва взглянув на пришедших, он сразу выкатился из комнаты, отталкиваясь от пола деревянными колодками на руках.

– Апау, как только военные учения закончатся, я вас сразу обратно отправлю, сөз беремін[6], – сказал Жарков пожилой женщине, осматривая комнату.

– Товарищ Жарков, здесь нет посевов, где нам скот пасти? Мы же не городские – вся работа в ауле осталась, – вдруг крикнула одна женщина.

– Кем мне работать? – проговорил старик сразу за ней, замотанный в старые одеяла и незаметно лежавший на одном из матрасов. – Я столько лет в колхозе… өмір бойы малдың артында жүргем. Маған не істе дейсің қалада[7]?

– Мы занимаемся поиском работы для вас, – стараясь успокоить жильцов, ответил Жарков.

Вдруг из соседней комнаты на костылях вышел солдат без одной ноги, с длинным шрамом на лице.

– Сен бе Жарков? – хрипло спросил он.

– Тише, не сейчас, – вскочив с матраса, сказал старик одноногому, который был его сыном. Он придерживал одной рукой напористого солдата, который пытался подойти к Жаркову.

– Не сейчас? А когда ещё, а? Думаешь, он придёт сюда ещё раз? – рассердился одноногий.

– Слушай сюда, Жарков! – закричал солдат, обращаясь уже к райкому. Он резко схватил мужчину за шиворот.

---

[3] Саламатсыз ба – с каз. «здравствуйте».

[4] Апа – уважительное обращение к женщине старшего возраста.

[5] Балам – с каз. «сынок».

[6] Сөз беремін – с каз. «обещаю, даю слово».

[7] С каз. «Я всю жизнь занимался скотом. Что, по-твоему, мне делать в городе?»

Два милиционера мгновенно схватили солдата за подмышки и оттащили от Жаркова.

– Какие ещё военные учения в степи? – не желая сдаваться, продолжил кричать солдат. – Война уже пять лет как закончилась! С кем они там в Москве готовятся воевать, скажи?! Им разве этой войны не хватило? Посмотри на меня! Зачем им степь-то моя сдалась?

– Я вас понимаю, но приказы отдаю не я, – спокойно ответил Жарков. – Ждите. Это просто военные учения, ничего серьёзного.

– Тогда почему у нас скот гибнет, как от болезни какой-то? Ты хоть сам-то был там? Хоть в одном ауле? Там же жить невозможно! Ты, морда партийная!..

Не дослушав хриплые выкрики солдата, Жарков развернулся и вышел на улицу. С началом испытаний угрозы в его адрес стали происходить всё чаще. Он посмотрел на ледяные лужи под ногами, на обшарпанные стены общаги, на старые уличные туалеты за двором, и решительно зашагал к уазику.

– Следующая точка – центральный склад, поехали.

***

На складе пахло сеном и углём. Внутри скученных деревянных загонов мирно стояли несколько коров и лошадей. Старики и дети пытались согреться у печей, кто-то носил сумки с продуктами.

Секретарь уже сверял списки переселенцев с предыдущими отчётами.

Жарков огляделся, сделал шаг к загону и громко сказал:

– Скот, скот! Я не знаю, куда людей деть, а они ещё хотят, чтобы я для их скота место дал! Что же им неймётся никак?!

Жарков медленно обошёл территорию склада, проверяя помещения и условия, в которых жили люди. Секретарь ходил за начальником, старательно записывая данные, которые тот отмечал, ничего не упуская из виду.

Несмотря на лёгкий мороз, дети играли, гоняя ржавый обод. Перекрывая детский смех, послышался гул грузовика. Тяжёлая машина медленно подъехала ко двору склада, и с платформы начали слезать люди: несколько семей с мешками и коробками.

Секретарь достал папку, быстро сверяя списки и уточняя фамилии новых переселенцев, возраст и количество человек в семье.

Примерно через десять минут парень поднял голову:

– Боранбаевы!

– Да, мы. Мы здесь, – ответила женщина, держа младшего ребёнка на руках.

– Двое взрослых и пятеро детей, правильно? – спросил секретарь.

– Да, да, – кивнула женщина.

– У вас комната в общежитии номер восемьдесят три, – продолжил Тахир, протягивая ключи. – Вот ваши ключи, заселяйтесь.

– Хорошо, спасибо большое.

– И Акылбековы тоже с вами в одну комнату, – добавил он.

Две семьи переглянулись. Один из мужчин нахмурился:

– Как так? Нам обещали отдельную комнату…

– Вы пока заезжайте, товарищ, – сказал парень ровно. – Как все приедут, будет новое перераспределение.

Жарков стоял немного в стороне, наблюдая за этой сценой. Никакого нового перераспределения, конечно, не предвиделось. Это он приказал Тахиру заводить по две семьи на комнату, чтобы хватило места, а сколько они пробудут в такой тесноте, никому не известно. Он знал лишь одно: в ближайшие годы нужно будет распределить между всеми этими людьми жильё, которого нет. Жарков нагло врал недовольным, что скоро они смогут вернуться обратно к себе, хотя знал, что их степь будет эксплуатироваться ещё долго. Через знакомого генерала он узнал,

что на полигоне будут испытывать ядерные бомбы, но гражданским это знать незачем. Благо, первые ядерные испытания были подземными, что особо не вызывало у людей вопросов, лишь небольшие землетрясения пугали скот. Но зачем освобождать такую огромную территорию в пустой степи, Жарков и сам до конца не понимал.

Тахир завершил проверку списка, аккуратно сложил бумаги в папку и подошёл к Жаркову:

– Всё, товарищ Жарков. Боранбаевы и Акылбековы заселены. Остальные семьи ждут распределения.

Несколько часов спустя двор заполнился новыми переселенцами. Люди ставили коробки на землю, дети бегали, смеясь, но в воздухе ощущались усталость и тревога.

– Товарищ Жарков! – крикнул один из мужчин, подбегая к нему. – У нас в комнате нет батарей!

Жарков внимательно посмотрел на мужчину.

– Запишите фамилии, – сказал он. – Секретарь, проверьте отопление. Комнаты восемьдесят три и девяносто один.

Парень кивнул, вытащил папку и начал сверять списки.

– Это же невозможно! – снова закричал мужчина. – Вы людей селите, а о тепле не думаете!

– Отопление включено там, где возможно, – спокойно ответил Жарков. – Остальное ждёт подготовки. Вы приспосабливайтесь.

Мужчина сжал кулаки, хотел что-то сказать, но увидел двух милиционеров, стоявших рядом. Он замолчал, но взгляд продолжал высказывать недовольство.

– Секретарь, отметьте: две семьи в комнате, пятеро детей, – продолжил Жарков, обращаясь к помощнику.

– Всё записано, – ответил Тахир, закрывая папку. – Остальным придётся ждать распределения.

Жарков кивнул и сделал шаг к загону со скотом:

– Сколько ещё нужно мест для скота?

– Пока не хватает, товарищ Жарков.

Взгляд Жаркова остановился на худой корове, которая уставилась на него большими воспалёнными глазами.

Глава 5

Когда солнце перевалило за зенит, Жарков вместе с Тахиром уже ехали в сторону больницы – последний пункт проверки на сегодня.

Город за окном тянулся медленно и бесцветно. Пахло сыростью и старым асфальтом. На остановках стояли переселённые семьи – те, кого привезли из районов, где недавно «поднялся фон». Их лица сразу бросались в глаза: одни были ненормально бледными, почти серыми, другие – наоборот, лихорадочно красными, с потрескавшимися губами.

– Что с людьми? – спросил Жарков, не отводя взгляда от окна.

Тахир помялся:

– Говорят, побочные реакции у тех, кто был наиболее близок к полигону. Точно не известно. Врачи сами толком не знают.

Уазик повернул к больничному кварталу. Дорога здесь была ещё хуже, чем в других частях города. Машина подпрыгивала на кочках, трещинах, провалах, а ограждение вдоль больницы, по всей видимости, не ремонтировалось ещё с войны.

В приёмном покое воздух был пропитан хлоркой, лекарствами и едва уловимым металлическим запахом. В больничном коридоре сновали пациенты и врачи, но стояла странная тишина, нарушаемая только монотонными сигналами аппаратов и приглушёнными голосами людей. Жарков старался не смотреть по сторонам.

Райком и секретарь поднялись на второй этаж и, уже подходя к кабинету главврача, назначенного из Москвы, услышали громкий спор, доносившийся изнутри. Мужчины переглянулись. Отчётливо были слышны высокие тона главврача Виктора Львовича, с которым Жарков уже был знаком – он лично встречал врача по поручению Тучного.

Кто-то из местного персонала возразил:

– Вы понимаете, что у меня тут люди в карантине? Мне нужно заниматься ими, а не писать отчёты, – сказал молодой голос.

Виктор Львович холодно ответил:

– Все ваши заявления – лишь ваша фантазия, у вас недостаточно информации, чтобы доказать это. Если ситуация развивается так, как на ваших графиках, то информация должна быть проверенной – нужно выявить это ещё как минимум у десяти человек.

– Я не буду сидеть и ждать, пока ко мне обратятся десять человек с болезнью, против которой у меня даже нет лекарств. Закажите больше препаратов, вы же видите, в каком состоянии к нам приезжают люди, – парировал молодой врач.

– Учитывая сезон, это нормально. Переселение, стресс, смена погоды…

– Я вас уверяю, доктор. Это не сезонная проблема, это закономерность. Территория полигона пагубно влияет на экологию, что в свою очередь влияет на людей и на скот.

– Это невозможно, товарищ. Пастбище находится в десятках километров от самого полигона…

На несколько секунд в кабинете застыла тишина, но ощущалось, что каждый из споривших стоял на своём. В этот момент Жарков открыл дверь кабинета и показался. Львович кашлянул, пытаясь смягчить атмосферу:

– Завтра я тебе покажу отчёт, Саим… подробный. Завтра к вечеру. Теперь можешь ступать, – сказал он молодому врачу.

Молодой быстро вышел из кабинета, чуть не сбив с ног Тахира.

Жарков и помощник вошли в кабинет. Доктор закрыл за ними дверь и включил настольную лампу, так что свет падал только наполовину, остальная комната была в тени.

– Всё у вас нормально, Виктор Львович? – спросил Жарков участливо.

– Да, рабочие моменты, товарищ Жарков. Вы присаживайтесь.

Доктор сразу начал говорить, не дожидаясь вопросов:

– Мы фиксируем обычные случаи, Жарков. Простуды, кишечные инфекции, сезонные.

Львович поправил галстук и продолжил:

– Однако нам нужны дополнительные койки, а также определённые лекарства. Обычно поставляют по стандарту, но в этом сезоне нужно больше обычного. И ещё нужно ваше разрешение, товарищ райком.

Жарков открыл папку. Цифры были слишком высокими, чтобы быть обычными, как сказал доктор.

– Обычные случаи? – Жарков поднял взгляд.

– Да, – Львович пожал плечами, избегая контакта глазами. – Потоки всегда растут в это время. Ничего особенного.

Главврач издал тяжёлый вздох, как будто решился наконец высказать всё, что накопилось.

– Раз уж вы здесь, – сказал он, – нам бы увеличить количество персонала. Хотя бы на двадцать-тридцать единиц. И лекарств нужно больше: сорбентов, противовирусных, растворов…

Жарков смотрел в документы, морщил лоб.

– Откуда такие цифры? – спросил он, показывая строчку с количеством обращений за двое суток.

Доктор колебался мгновение, а затем ответил:

– Точно сказать не могу. Может, осенняя лихорадка. Может, какая-то инфекция от скота. Сейчас же кочёвки, переселение… стресс, иммунитет падает…

– Поясните подробнее, – перебил врача Жарков.

– Я не располагаю всей информацией, – раздражённо бросил Львович. – Мы работаем с тем, что есть.

– Да, я вас понимаю. От меня что-то ещё требуется? – спросил Жарков.

– Нет. Только ваши подписи.

Тахир встал:

– Товарищ Жарков, мне нужно немного времени, чтобы оформить запрос на дополнительные койки и лекарства. Попросил бы вас подождать.

– Подожду снаружи, – спокойно ответил Жарков и вышел в коридор.

Ему не нравилось находиться в больнице – воздух здесь был тяжёлый, из смеси хлорки, лекарств и чего-то гнилого. Мимо прошла медсестра, толкая впереди себя каталку, и мужчина так и не решился посмотреть на человека под простынёй.

Глава 6

Жарков вышел на балкон второго этажа и закурил. Снизу тянуло холодом, сырым ветром и бензином. Через минуту рядом появился молодой врач. Жарков узнал в нём того самого парня, который ругался с Виктором Львовичем. Его медицинская форма выдавала в нём фельдшера скорой помощи. Он устало снял маску с лица и спросил:

– Огонь есть?

Жарков протянул спички. Фельдшер затянулся и посмотрел исподлобья:

– Так это вы… первый секретарь райкома Жарков?

Жарков повернул голову, сделав глубокую затяжку. Ответа не дал, но этого было достаточно.

– Мне уже сообщили про койки, товарищ, – сказал начальник. – Я отправлю запрос, как только приеду в райком, – сухо ответил он, опережая вопрос.

Фельдшер с подозрением посмотрел на стоящего перед ним мужчину, пытаясь понять его слова.

– Все эти поступления… я слышал, что вам говорил наш главный. Честно, я думал, вы с ними заодно… Выходит, они и вам пускают пыль в глаза.

Жарков чуть повернулся к парню.

– Что ты имеешь в виду? Хочешь сказать, медикаменты и койки вам не нужны?

– Да при чём тут койки! – раздражённо отмахнулся фельдшер. – Я про пациентов. Про симптомы. Люди поступают из аулов возле полигона. Всё больше и больше! Коек не хватает, это факт, но не из-за лихорадки, а из-за…

Глубоко затянувшись, фельдшер продолжил уже тише:

– Это не лихорадка… У одних волосы клоками выпадают, у других – кашель кровью.

Райком нахмурился.

– Товарищ Жарков… – фельдшер перешёл почти на шёпот. – Новый заведующий, которого нам прислали… Не хочу наговаривать, но даже самый неопытный медбрат заметит: он ставит другие диагнозы. И делает это намеренно.

– Подробнее, – сказал Жарков.

Фельдшер оглянулся через плечо, будто боялся, что их кто-то услышит:

– Город ещё держится, но там, в аулах, творится что-то странное. За последние месяцы поступило несколько человек с онкозаболеваниями. У трёх младенцев признаки врождённых пороков развития…

– И что дальше? – тихо спросил Жарков.

– Люди болеют! Уже шесть случаев рака крови у детей! Младенцы рождаются с уродствами! Не только генетическими, какими-то неестественными… – парень подбирал слово. – Все – из ближайших аулов к полигону. Хотя начальство и военные уверяли, что всё под контролем.

Жарков хотел что-то ответить, но в этот момент на балконе появился его секретарь:

– Товарищ Жарков! Документы готовы. Можем идти.

Мужчина снова посмотрел на молодого фельдшера:

– Тебя же Саим зовут?

– Саим, – ответил он.

– Ты можешь написать подробный отчёт, Саим? Всё, что видел, все симптомы.

Врач заколебался:

– Думаю… смогу.

– Я не могу долго здесь находиться, – сказал Жарков, доставая блокнот. Он быстро написал адрес и вложил листок в руку парня. – Принеси отчёт на этот адрес. Я прочитаю.

Жарков раздавил сигарету о бетонную перегородку на балконе и вышел, не оглядываясь.

***

Когда райком и секретарь вышли из больницы, казалось, что вечерний воздух стал плотнее. Мужчина остановился на секунду у лестницы, чтобы перевести дыхание, словно сбросить с себя невидимый груз. Тусклый свет заката растекался по улице длинными полосами, делая город чуть темнее, чем обычно. Лёгкий ветер трепал выцветшие транспаранты у входа в больницу: «Слава медицинским работникам!», «Берегите здоровье трудящихся».

Тахир шёл рядом, на ходу просматривая документы. Бумаги шуршали тревожно, нарушая хрупкую тишину. В какой-то момент парень поднял взгляд и осторожно спросил:

– А… о чём вы говорили с тем врачом, товарищ Жарков?

Мужчина на секунду задержал взгляд на лице молодого человека. В его глазах мелькнуло что-то настороженное – будто он хотел убедиться, не видит ли секретарь того, чего видеть не должен.

– Голова болит несколько дней, – ответил он ровно. – Хотел узнать, что можно принять.

Он сказал это так буднично, что секретарь сразу кивнул. Жарков не спешил делиться с помощником правдой, каким бы преданным тот ни был, – есть вещи, которые ему знать не положено.

Жарков сел на заднее сиденье уазика, а Тахир устроился рядом, держа в руках документы. Двигатель глухо загудел, и машина бодро выехала на дорогу.

Несколько минут ехали молча. За окном проплывали пустые улицы райцентра, дома с потрескавшейся штукатуркой, редкие прохожие, отбрасывавшие длинные тени, вытянутые вечерним солнцем.

Вдруг Тахир подался вперёд.

– Можно остановить здесь? – попросил он водителя, указывая на здание райкома.

– А чего вдруг? – поднял глаза Жарков.

Тахир нервно сжал папку с документами.

– Документы нужно разобрать. Для отчёта. Я… не успел в больнице, аға.

Жарков нахмурился.

– Домой забери. Завтра утром принесёшь.

– Нет, товарищ Жарков, – секретарь замялся, подбирая слова. – Там ещё дела у меня. Нужно всё аккуратно разложить, чтобы не перепутать.

Парень говорил правду, но в его голосе слышался оттенок беспокойства.

Жарков внимательно, почти изучающе, посмотрел на помощника, а затем нехотя сказал:

– Только не засиживайся допоздна. Бумаги никуда не денутся.

– Хорошо, спасибо, аға, – выдохнул секретарь, опуская взгляд.

Машина остановилась. Тахир вышел, слегка поклонился в сторону окна и быстро зашагал в сторону райкома. Его долговязая фигура медленно растворялась в сгущающихся сумерках.

Глава 7

Дом встретил Жаркова привычной пустотой. Старый паркет под ногами проскрипел глухо и как будто недовольно. На кухне тикали большие, тяжёлые, ещё довоенные часы.

Мужчина прошёл в прихожую, аккуратно снял пальто и повесил на крючок. Он ждал фельдшера Саима, который обещал зайти после смены.

Жарков вышел на балкон покурить. Прямо под балконами между домами были натянуты бельевые верёвки, и чьи-то мокрые простыни трепетали на холодном ветру. Двор был пуст – редкий прохожий появлялся из-за угла дома напротив и растворялся в подъезде.

Мужчина вглядывался в темноту, прислушиваясь к каждому шагу, пытаясь отыскать глазами фигуру нового знакомого. Он поймал себя на мысли, что ему стоит ожидать не врача, а скорее неприятностей, ведь такие разговоры, как сегодня в больнице, редко проходят бесследно.

Вдруг в дверь постучали. Это были два слабых стука, будто человек за дверью не хотел привлекать внимание. Жарков подошёл к двери, но никого не увидел. Под щелью двери, однако, лежал конверт.

Он вернулся в комнату, прошёл мимо письменного стола, на котором лежали неподписанные отчёты, и сел на потёртый диван. Разорвав конверт, Жарков увидел внутри что-то вроде заметок. Отчёт оказался довольно объёмным, поэтому Жарков лишь пробежался по нему взглядом.

Жарков увидел повторяющиеся симптомы – сильная анемия, ухудшение иммунитета, потеря веса… Рядом с симптомами стояли имена пациентов. Судя по всему, Саим записывал, откуда их доставляли, что было немаловажно. Жарков помнил названия этих аулов и знал, что все они находятся недалеко от территории полигона.

Он прошёлся дальше: осложнения беременности, осложнения при родах… Рядом стояли имена женщин, и снова те же самые аулы. Следом шли онкологические заболевания у детей и взрослых, и опять фамилии, фамилии…

Для Жаркова все эти записи были просто строчками с информацией о посторонних людях – безликих незнакомцах. Он быстро пробежался по отчёту и, не дочитав до конца, убрал в карман пиджака. Глаза закрывались сами собой, мысли путались и стали тяжёлыми. Вязкая тишина квартиры словно убаюкивала его. Жарков не понял, как уснул, не разуваясь, прямо на диване. Вдалеке, за домами, пронёсся старый ржавый поезд. Этот звук стал последним, что услышал Жарков перед тем, как провалиться в тревожный, беспокойный сон.

***

На улицах загорались фонари, редкие прохожие спешили домой. В здании райкома на втором этаже светилось единственное окно. Это был кабинет Жаркова.

Тахир сидел за столом начальника, что само по себе было странно. Но ещё непривычнее для парня было то, что сегодня он впервые солгал Жаркову.

Юноша думал о сегодняшнем разговоре в больнице. Хоть дверь в кабинет главного врача и была закрыта, он услышал достаточно, потому что Виктор Львович и молодой доктор спорили довольно громко. Тахир чувствовал, что в деле с переселенцами что-то нечисто, и это ещё сильнее разжигало его любопытство. Он хотел сравнить больничные отчёты прошлых лет с текущими.

Начальнику он ничего не сказал не потому, что не доверял, а потому что не знал, одобрит ли Жарков его затею.

Тахир взял отчёты за последние три года, скопившиеся в шкафу, и начал выписывать цифры в столбик, которые означали количество обращений в больницу до начала испытаний и после.

Когда столбик был готов, Тахир несколько секунд смотрел на цифры, не моргая. Потом достал чистый лист и разделил его пополам. С левой стороны он записал средние показатели за год до испытаний. С правой – за последние пару месяцев. Разница между этими двумя столбцами была такая же, как за весь прошлый год – больше в несколько раз.

Тахир отложил ручку и потёр глаза. За окном было уже темно, город затих. Время пролетело быстро. Взглянув на настенные часы, парень понял, что провёл в кабинете Жаркова уже больше двух часов.

Неожиданно в коридоре послышались приближающиеся шаги. Тахир прислушался. Шаги остановились перед его дверью. Кто-то постучался. Пауза. Постучались снова, на этот раз настойчивее.

Тахир нахмурился. Время было позднее, он не хотел объяснять, что делает один в кабинете начальника. Тогда парень откашлялся и, стараясь придать голосу хрипловатую интонацию Жаркова, выкрикнул:

– Я занят!

За дверью ничего не ответили. Затем послышался тихий металлический щелчок, и шаги удалились по коридору.

Тахир подождал несколько секунд и с облегчением вернулся к бумагам.

Он не успел дочитать страницу. Откуда-то послышался странный свист, потом стекло лопнуло разом, и на пол кабинета посыпались осколки. Кто-то разбил окно.

Тахир вскочил, опрокинув стул, и увидел, как в разбитое окно прилетела бутылка. По деревянному полу поползли струйки пламени.

Тахир отскочил в угол кабинета. В ту же секунду загорелись бумаги на краю стола, в следующую – занавеска, а затем стеллаж с папками у стены. Парень бросился к двери, дёрнул ручку, но она не открылась. Кто-то закрыл его снаружи!

Тахир обернулся. Огонь уже добрался до книжного шкафа, огонь быстро и жадно пожирал бумаги. Под потолком потянулся едкий тёмный дым. Тахир прикрыл рот рукавом и посмотрел на окно в надежде выпрыгнуть в него, но и там было пламя.

Он ударил ладонью по двери, потом плечом, потом навалился всем телом, но тяжёлая дверь даже не шелохнулась.

***

Глубокой ночью Жарков проснулся от внезапного стука. Сначала он даже не понял, откуда шёл звук – будто кто-то бил в стену или по батарее. Он поднял голову с дивана, огляделся, пытаясь вспомнить, как он уснул и почему свет не включён. Резкий, чёткий стук повторился. Жарков нахмурился. «Соседи, что ли… Ночь на дворе», – пробормотал он, поднимаясь. На третий раз сомнений не осталось – стучались именно к нему.

Он посмотрел на себя: в той же рубашке и штанах, в которых был на работе, на ногах ботинки. На ходу приглаживая растрёпанные волосы, Жарков медленно пошёл в прихожую, пытаясь сообразить, кто мог явиться в такой час.

Открыв входную дверь, он увидел на пороге двух офицеров в шинелях. Их глаза лихорадочно блестели от тревоги. Жаркова бросило в дрожь.

– Товарищ Жарков? – спросил один.

– Что случилось? – голос Жаркова прозвучал хрипло.

Младший из офицеров облегчённо выдохнул:

– С вами все в порядке…

– Чего? – Жарков не понял.

– Вам нужно немедленно поехать с нами.

– А что… что такое? – он всё ещё не мог отойти от сна.

– Быстрее собирайтесь.

Жарков схватил пиджак, наспех натянул и накинул пальто. У подъезда уже стоял болотного цвета бобик с мигающим синим маячком. Внутри сидело ещё несколько военных. Ступив на улицу, Жарков ощутил странный гул, будто город внезапно проснулся и начал шуметь всеми своими трубами, сиренами, собачьим лаем. Он сел в машину, на ходу застёгивая пальто. Двигатель взревел.

– Так что случилось? – с тревогой спросил он.

Старший офицер повернулся к нему:

– Райком горит.

– Что?! – Жарков даже не понял сразу.

– Здание райкома горит, товарищ Жарков. Прямо сейчас. Проснитесь уже, дело серьёзное, – сказал солдат напротив.

– Как… горит? Почему?!

– Сообщили, что был поджог.

У Жаркова перехватило дыхание.

– Кто поджигал?..

– Пару человек уже задержали. Они там, на месте.

– Когда это случилось? – голос мужчины сорвался.

– Не беспокойтесь. Наши уже там. Пожарные тоже едут. Нам велели проверить, всё ли с вами… в порядке.

– А при чём тут я? – Жарков сказал тихо не солдатам, а скорее самому себе.

Офицер коротко вздохнул перед ответом:

– Мы считаем, что это было покушение на убийство. И целью, по всей видимости, были вы.

Жарков застыл. Остатки сна мгновенно вылетели из головы.

Бобик резко затормозил.

– Прибыли!

Солдат распахнул дверь.

Багровое пламя жадно пожирало здание райкома.

***

Огненные языки вырывались из окон второго этажа – длинные, гнутые, как раскалённые когти, вспарывали ночное небо и швыряли тучи искр. Свет от огня был такой яркий, что площадь перед зданием казалась оранжевой, раскалённой. Тени людей, сбежавшихся на пожар, вытягивались по земле, дрожали и метались в странном первобытном танце. Воздух был наполнен гулом и невыносимым жаром, от которого вибрировали окна близлежащих домов. Здание трещало, словно сопротивляясь огню из последних сил.

Пожарные суетились у входа: кто-то отдавал команды, другие тащили шланги от пожарной машины. Из брандспойтов били тонкие столбы воды, которые, попадая в огонь, мгновенно превращались в густой серый пар. Толпа вокруг молчала в немом ужасе, даже дети не плакали.

Пахло жжёной бумагой, обгоревшим деревом, расплавленным металлом и чем-то ещё, что Жарков не мог опознать, но от чего по его спине прошёл холодок. Неожиданно из толпы к нему подбежал пожарный в каске и обгоревшей куртке.

– Жарков! Господь тебя храни! – выкрикнул мужчина, хватая его за плечи. – Ты живой!

– Да… живой… – пробормотал Жарков.

– Я в кабинет твой забежал! А там тело… вынесли… – пожарный сглотнул. – Я сначала думал – ты. Тьфу ты, думаю… тело худое уж больно… или огонь так сжёг…

– Какое тело, Иваныч?! – у Жаркова задрожала щека.

– Внутри райкома. Точно из твоего кабинета. Вон, в скорой…

Не дослушав, Жарков резко сорвался с места. Добежав до скорой, он распахнул двери машины. В лицо ударил едкий запах горелой плоти.

На каталке лежало долговязое худое тело, покрытое чёрно-красными волдырями и сажей.

Жарков посмотрел на обу

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.